

Сергей Могилевцев

Лиса и виноград

Сергей Могилевцев Лиса и виноград

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156566

Аннотация

Пьеса о баснописце Эзопе. Эзопу только что исполнилось 50 лет. Он уродлив, горбат, нетерпим, местами даже бесноват, а порой и необыкновенно агрессивен. Он горит желанием высмеивать всех и вся, и накидывается, как пылкий греческий юноша, на все, что шевелится, мечтая перетрахать всю глупость и всю подлость на свете...

Содержание

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ	6
КАРТИНА ПЕРВАЯ	6
КАРТИНА ВТОРАЯ	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сергей Могилевцев

Лиса и виноград

Комедия в 2-х действиях

Пьеса о баснописце Эзопе. Эзопу только что исполнилось 50 лет. Он уродлив, горбат, нетерпим, местами даже бесноват, а порой и необыкновенно агрессивен. Он горит желанием высмеивать всех и вся, и накидывается, как пылкий греческий юноша, на все, что шевелится, мечтая перетрахать всю глупость и всю подлость на свете. Непонятно, как вообще этот бесноватый урод (с точки зрения большинства) достиг такого возраста. Ему и не дадут прожить больше пятидесяти; его остановят в Дельфах, городе божественного Аполлона, куда он приехал вместе со своим учеником Хереем. Эзоп желает воздвигнуть здесь святилище Мнемозине, богине памяти, своей божественной покровительнице, которая и диктует ему его басни. Но саркастическому и нетерпимому горбуну не дадут это сделать. Он, правда, успевает воздвигнуть святилище, но его сразу же арестовывают, судят за оскорбление горожан, а также божественного Аполлона, а затем сбрасывают с высокой скалы. Перед смертью Эзоп говорит о том, что его басни переживут века, а его эзоповский смех навечно застрянет в глотках всех глупцов и всех невежд мира. Баснописец умирает, а над сце-

ной и зрительным залом, нарастая все больше и больше, не переставая, звучит смех Эзона.

УЧАСТВУЮТ:

Аполлон. Первый мужчина.

Мнемозина. Второй мужчина.

Эзоп. Первая женщина.

Коринна. Вторая женщина

Херей. Торговец фидами.

Антифонт. Разносчик воды.

Менекрет. Продавец птиц.

Пифия. Старуха.

Председатель Ареопага.

Народ, торговцы, жрецы, гетеры, стража, нищие и пр.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Площадь в Дельфах. Посередине статуя Аполлона, бога-покровителя искусств, бога света и мицения, с длинными позолоченными волосами и кифарой в руках.

На земле у подножия нищего и йс протянутой рукой, невдалеке скучающая гетера.

Входят Эзоп и Херей.

Херей. Наконец-то, господин мой, мы добрались. Славное местечко, нечего сказать! Стоило ли совершать такое трудное путешествие, чтобы в итоге увидеть статую бога, а у ее подножия нищего и гетеру, которые, очевидно, скучают здесь с прошлых Пифийских игр? А где же толпы восторженных горожан, где горячие поклонники вашего литературного гения, где восторженные греческие девушки, жаждущие заполучить автограф Эзопа и умереть от счастья прямо у его ног, ибо большей удачи им в жизни выпасть просто не может? Одним словом, мой господин, я не вижу здесь толпы ваших фанатов, и оттого этот город не вызывает у меня большого доверия. Извините, господин Эзоп, но, по-моему, вас

здесь не очень-то уважают.

Э з о п. Уважение, Херей, это такая субстанция, которой сегодня нет, а завтра появится столько, что мы не будем знать, в какой валюте ее лучше хранить: в греческих талантах, индийских рупиях, или египетских динарах? Кроме того, не забывай, что от большой любви до большой ненависти бывает обычно всего один шаг. А потому выбирай всегда нечто среднее, и останешься в итоге с головой на плечах, и с кошельком, в который никогда не стыдно залезть. Одним словом, Херей, выбирай середину.

Х е р е й. Так-то оно так, господин, но, помнится, на острове Самосе, где вы сначала были рабом, а потом, разгадав смысл чудесных знамений, сделались свободным и знаменитым, вас почитали, как почитают богов. Помнится, самосцы вас даже не хотели от себя отпускать, и заучили наизусть все ваши басни, повторяя их к месту и не к месту с утра и до вечера. Тогда, господин Эзоп, вы не говорили о славе в том смысле, что ее не должно быть чересчур много.

Э з о п. Тогда, Херей, я был намного моложе и не таким изошрённым. Мне казалось, что выше литературы в мире нет ничего, разве что боги, снисходительно вззирающие на меня с вершины Олимпа.

Х е р е й (*продолжая*). Да и потом, в Сирии, у царя Креза, который записал все ваши басни и издал вашу первую книгу, – вы еще, кстати, за этот бестселлер получили всегреческую национальную премию, – ведь и там, в Сирии, вы не

чурались ни славы, ни уважения. Что же с вами, господин, случилось теперь? Вы что, потеряли весь свой задор и весь свой эзоповский пыл?

Э з о п. Нет, Херей, я не потерял ничего; ни бывшего задора, ни своего эзоповского пыла, заставляющего меня высмеивать всякого, кто покажется мне подозрительно скучным, или, наоборот, подозрительно самоуверенным. Во мне по-прежнему кипит божественный огонь безжалостного сарказма. Я, Херей, все тот же Эзоп, которого уважает толпа, и, как огня, бояться власть предержащие, справедливо опасющиеся за свою чересчур благовидную репутацию. Просто, друг мой, мне на днях исполнилось пятьдесят, – мы с тобой, кстати, выпили за это в придорожной харчевне пару-другую кружек скверной местной кислятины; пятьдесят, друг мой, целых, черт возьми, пятьдесят, и эта более чем круглая дата умиряет и мой эзоповский пыл, и мой чересчур пылкий сарказм баснописца. Одним словом, Херей, пришло время мне задуматься о душе.

Х е р е й. Побойтесь богов, господин мой! вы что, собираетесь умирать?

Э з о п. Нет, Херей, не собираюсь, но у меня такое предчувствие, что нельзя слишком долго высмеивать всех и вся, ничего за это не заплатив. В конце-концов придется платить, и, возможно, эта плата окажется непосильной даже для автора множества литературных бестселлеров.

Х е р е й. Ну хорошо, мой господин, хорошо, пятьдесят

лет, — это действительно выдающаяся дата. Сам я до этих лет еще не дожил, но вполне допускаю, что она заставляет задуматься о душе. Однако при чем здесь эти Дельфы, в которые мы с таким трудом притащились? При чем здесь этот прославленный город, резиденция златокудрого Аполлона (*отвеивает поклон неподвижной статуе*), всех девяти божественных Муз и таинственной пифии, которая загробным голосом вещает малопонятные вещи? Вам что, было мало других греческих городов? Вы что, в них не могли размышлять о своей душе баснописца?

Э з о п. Дельфы мне нужны для того, чтобы основать в них святилище Муз и установить в нем статую Мнемозины.

Х е р е й. Мнемозины, богини памяти?

Э з о п. Да, моей божественной покровительницы и вдохновителя моего эзоповского сарказма. А лучшего места для такого святилища, чем Дельфы, и придумать нельзя. Пора, наконец, Херей, отдать дань богам, — тем самым богам, которые и диктовали мне все мои знаменитые басни. Я слишком долго высмеивал все, что видел и слышал, слишком долго накидывался на все, что шевелится, и должен теперь хоть немного обезопасить себя, посвятив святилище божественным Музам. Ведь это они вдохновляли меня на безумие творчества.

Х е р е й. Так-то оно так, господин, но, думается мне, посетив очередной город, вы вместо того, чтобы размышлять о душе, начнете по привычке высмеивать от мала до велика

всех его жителей. Кидаться, одним словом, на все, что шевелится, как кидается чересчур пылкий юноша на первую попавшуюся гетеру, встретившуюся у него на пути. (*С интересом осматривает стоящую невдалеке гетеру.*)

Э з о п. Поживем, мой друг, – увидим, не стоит раньше срока предвосхищать события!

Во время всего этого разговора ни щ и й постоянно меняет позу, протягивая вперед то одну руку, то другую, то обе вместе, а г е т е р а несколько раз проходит через сцену, покачивая бедрами и демонстрируя все свои прелести.

Х е р е й (Э з о п у). Посмотрите, господин мой, на эту женщину, – она оказывает вам знаки внимания.

Э з о п. Скорее тебе, Херей, чем мне. Я слишком уродлив, чтобы получать знаки внимания от столь юных особ. Уродлив и стар. Впрочем, спроси, что ей нужно?

Х е р е й (*обращаясь к г е т е р е*). Послушай, красотка, мой господин, – между прочим, известный писатель, – шлет тебе свой привет и желает здравствовать долгие годы. Не хочешь ли и ты отблагодарить его ответным посланием и сказать в свою очередь что-то приятное?

Г е т е р а (*презрительно*). Я? этому низкорослому горбуну? Этому старику с выпученным животом, похожей на котел головой, короткими руками и темной, как у арапа, кожей? Да за кого ты принимаешь меня, негодник? Я, слава

богам, еще не настолько упала, чтобы строить глазки такому калеке. Что я, старуха какая-нибудь, или последняя деревенская шлюха? я, между прочим, городская гетера, живу в Дельфах, и строила глазки не ему, а тебе.

Х е р е й (*протестующе*). Но я всего лишь слуга этого господина! Он, как я уже говорил, известный писатель, и достоин куда как большего уважения, чем то, которое ты ему оказала!

Г е т е р а (*с вызовом*). А мне плевать, писатель он, или не писатель! Пусть он будет хоть жрец самого Аполлона, я и тогда ни за что с ним не пойду, пусть он мне заплатит хоть десять драхм, хоть целую мину! Что я, совсем из ума выжила, чтобы взойти на ложе с подобным красавцем, будь он хоть трижды, хоть сто раз писателем? Да я, между прочим, и читать не умею, так что все эти достоинства для меня пустой звук. Мне важно то, что я вижу.

Х е р е й (*назидательно*). Послушай, красотка, не суди людей по одежке, суди по уму!

Г е т е р а. Да кто ты такой, чтобы заступаться за этого горбуна? Ты что, его близкий родственник?

Х е р е й. Я его раб, а по совместительству ученик, секретарь, слуга, и вообще доверенное лицо, посвященное в самые сокровенные тайны. Говорю тебе, это известный писатель, и его чтит вся Греция!

Г е т е р а (*с интересом, немного смягчаясь*). Что, действительно, известный писатель? А как его звать?

Х е р е й. Звать его господином Эзопом, он родом из Фригии, и пишет басни на греческом языке, которыми восторгается вся Эллада.

Г е т е р а (*еще больше смягчаясь*) . А не мог бы ты рассказать мне одну из его басен? Страх как люблю слушать всякие занимательные истории. Особенно жалостливые, и со счастливым концом,

Х е р е й. Пожалуйста. Вот тебе история про лисицу и барса. Лисица и барс спорили, кто красивей. Барс на все лады хвастался своей испещренной шкурой, но лиса ему на это сказала: “Насколько же я красивее, раз у меня не тело испещренное, а душа изощренная!” Басня показывает, что тонкость ума лучше, чем красота тела. Это, между прочим, к нашему разговору имеет непосредственное отношение.

Г е т е р а (*еще больше смягчившись*). Ты так думаешь? А что, много он сочинил подобных историй?

Х е р е й. Достаточно, чтобы рассказывать их с утра и до вечера целый год. Да не хочешь ли послушать какую-нибудь из них в исполнении моего господина? Уверяю, он делает это гораздо лучше, чем я.

Г е т е р а. Пожалуй, хочу.

Х е р е й (*обращаясь к Э з о п у*) . Пожалуйста, господин Эзоп, расскажите этой юной особе что-нибудь трогательное, из ваших новых вещей. Если не трудно, то про ласточку и ворону. Мне эта басня кажется наиболее уместной в нынешнем разговоре.

Э з о п. Охотно, Херей, но сначала я хотел бы спросить, как зовут нашу очаровательную собеседницу,

Г е т е р а. Коринной. Меня зовут Коринной. Я здешняя гетера, и имею право работать у статуи Аполлона. Я, между прочим, девушка честная, и не прошу больше, чем требуется по закону. Пять драхм за ночь – это не слишком дорого, как вы считаете?

Э з о п. Что ты, Коринна, совсем не дорого. Если хочешь, я дам тебе десять драхм, и вовсе не за право провести с тобой ночь, а за возможность рассказывать тебе свои новые сказки. Или, как говорит мой друг Херей, басни, хоть слово это мне и не совсем по дуде. А сейчас слушай обещанную историю про ласточку и ворону. Ласточка и ворона спорили, кто красивее. И ворона ласточке сказала: “Твоя красота цветет лишь весной, а мое тело и зиму выдерживает”. Так и мое уродство, Коринна, выдерживает злобу и ярость людей. (*Роется в карманах и вынимает оттуда деньги.*) Вот тебе, дитя, десять драхм, и если захочешь, я буду давать тебе столько же за каждую новую басню. Не бойся, я не собираюсь с тобой спать, как остальные, ты вполне устраиваешь меня в роли слушателя.

К о р и н н а (*берет деньги*). Но вы так вполне можете разориться. Я буду слушать вас с утра и до вечера.

Э з о п. Большого счастья я не мог бы пожелать себе даже в мечтах.

К о р и н н а (*засовывает деньги за подвязку*). В таком

случае, до встречи, господин Эзоп, вы самый загадочный человек из всех, кого мне довелось встречать!

Убегает.

Э з о п (*задумчиво*) . Чудесная девушка!

Х е р е й. Да, несомненно. Но это не помешает ей вытянуть из вас все до последней монетки.

Э з о п. Я был бы счастлив, если она это сделает.

Х е р е й (*восхищенно*) . Вы, господин Эзоп, действительно самый удивительный человек из всех, кого мне довелось видеть!

Н и щ и й, до этого пытавшийся привлечь к себе внимание жестами, не выдерживает, решается на отчаянный шаг, и цепляется за край хитона Э з о п а.

Н и щ и й. Господин, господин!

Э з о п. Чего ты хочешь? Впрочем (*бьет себя кулаком по лбу*) , о чем я говорю? встреча с этой юной гетерой совсем помutilа мой разум! (*Роется в карманах.*) На вот, возьми, во славу Аполлона и его девяти Муз! (*Кивок в сторону статуи Аполлона.*)

Н и щ и й. Премного благодарен, господин, я помолюсь Аполлону за ваше процветание и долголетие. (*Берет деньги.*) Только, прошу вас, не делайте этого!

Э з о п (*удивленно*). Не делать чего?

Н и щ и й. Не посвящайте святилище Музам, мой господин, а тем более не устанавливайте там статую Мнемозины!

Э з о п (*удивленно*). Но почему, старый пройдоха? почему я не должен этого делать? Мнемозина — это моя покровительница, она вдохновляет меня уже долгие годы.

Н и щ и й. Дельфы, мой господин, — это город светоносного Аполлона. Здесь все крутится вокруг его божественной милости. Здесь пророчествует пифия, вещающая от его имени страшные истины, здесь проводятся Пифийские игры, которым покровительствует бог света и музыки; здесь с его именем люди утром встают с постели, и вечером сладостно засыпают, воздав хвалу златокудрому божеству. Посвятите храм Аполлону, установите внутри его статую, и ваше творчество будет цвести еще многие и многие годы.

Э з о п (*недовольно*). Уж больно ты прыткий, старик, и не похож вовсе на грязного нищего!

Н и щ и й. Я нищий, господин, я всего лишь несчастный нищий. Несчастный и грязный, как изволили вы метко выразиться. Я знаю свое место, и этим местом вполне доволен (*кивок в сторону статуи*). Но и вам, господин Эзоп, не следует прыгать выше своей головы. Не гневите Аполлона, не посвящайте святилища Мнемозине, вспомните судьбу несчастного Марсия. Как бы и с вами не произошло нечто подобное!

Х е р е й. Судьбу сатира Марсия? Того самого, с кого

Аполлон живьем содрал кожу? Не приведи боги повторить кому-то его участь!

Э з о п. Уж не сам ли ты Аполлон, таинственный про-рицатель? в таком случае знай: тебе не запугать баснописца Эзопа! я верю лишь в свой божественный разум, кото-рый выше любых угроз и любых суеверий! Но, скорее всего, ты каркаешь просто так, от нечего делать, Я бы мог по это-му случаю рассказать необходимую басню, но уже темнеет, а нам нужно добраться до приличной гостиницы. Прощай, старик, и если ты действительно Аполлон, то помни: меня не так-то легко запугать! (*Уходит вместе с Х е р е м.*)

Н и щ и й. Прощай и ты, баснописец, и не сердись пона-прасну на глупого старика!

Некоторое время молча смотрит вслед уходящему Э з о п у, потом проводит рукой по лицу, встряхивает волосами, и они рассыпаются по плечам великолепной золотой волной. Выпрямляется, и молча смотрит в зрительный зал. Теперь его лицо точь-в точь похоже на лицо статуи, стоящей по-середине площади. Зловеще улыбается, уходит в ту же сто-рону, куда и Э з о п.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Городской рынок.

Э з о п, Х е р е й, т о л п а д е л ь ф и й ц е в. *Здесь же*
А п о л л о н и К о р и н н а.

Э з о п (*прогуливаясь с Х е р е е м*) . Обрати внимание, Херей, какие самодовольные лица у этих дельфийцев! Они полны напускного величия и так довольны собой, что с них вполне можно ваять скульптуры на тему глупости и дешевого чванства. Здесь не хватает великого Фидия, которому вместо божественной Афродиты надо было увековечить в мраморе эти тупые и нахальные морды. Но ничего, Херей, мы восполним эту образовавшуюся пустоту, мы займем место великого Фидия, и тоже увековечим, пускай и не в мраморе, всю подлость и ложь этого города. Нашим камнем будет бумага, а вместо резца мы заострим гусиные перья, которых, я это чувствую, придется купить несколько дюжин.

Х е р е й (*испуганно, уворачиваясь от торговцев и покупателей*). Побойтесь богов, господин Эзоп, чем вам досадили эти дельфийцы? Мы приехали сюда всего лишь вчера, и ни с кем, кроме хозяина гостиницы, решительно не встречались. Когда вы успели составить столь превратное мнение о горожанах?

Э з о п. Мне не требуется, Херей, много времени, чтобы

составить мнение о нравах того или иного города. Я, друг мой, читаю по лицам. А лица здешних людей все до единого настолько гнусны, настолько испещрены следами пороков, что таким же – порочным и гнусным, – должен быть и сам город. Ну а, кроме того, у меня просто чешутся руки. Я, видишь ли, не могу сидеть без работы, и не сочинять басен на тему людского тщеславия и непотребства. Это, друг мой, у меня нечто вроде болезни, и ничего поделать с собой я не могу. Осмеивать и записывать, осмеивать и записывать, – вот призвание всей моей жизни!

Х е р е й (*испуганно*). И вы что же, действительно ничего не можете с собой поделать?

Э з о п (*сокрушенно, с долей притворства*). Не могу. Хотел бы, да не получается, и в этом моя трагедия.

Х е р е й. Но, господин, в таком случае, вы можете нарваться на крупные неприятности. Что, если эти дельфийцы не столь просвещенные, как жители Афин или Коринфа, и воспринимают насмешку не так спокойно и не так добродушно?

Э з о п. Насмешку, Херей, вообще никто не воспринимает спокойно. Просто одни рядятся в шкуры овец, а другие откровенно не прячут своей волчьей сущности. Волков, мой друг, бояться, – в лес не ходить! Кстати, на эту тему есть одна великолепная басня.

Х е р е й. Побойтесь Зевса, господин Эзоп, – хотя бы меня, своего секретаря, не кормите своими великолепными баснями!

Мимо проходят торговец фигами и разносчик воды.

Торговец фигами. А вот сладкие фиги! а вот сладкие фиги!

Разносчик воды. А вот вода из горного озера! а вот вода из горного озера!

Эзоп. Посмотри на этих двух местных ослов! они воображают, что несут дары в священных сосудах, и напускают на себя такой торжественный вид, что кажутся жрецами самого Аполлона. Рядом с ними сама пифия выглядит уличной девкой. Эй, приятель, почему твои фиги?

Торговец фигами. Четыре обола, мой господин.

Эзоп (*приглядываясь к фигам*). Четыре обола за такую несвежую дрянь? да они ведь давно прогнили и покрылись червями! впрочем, твое лицо выглядит еще хуже: оно похоже на одну огромную фигу, упавшую с дерева, и раздавленную телегой. Где ты его хранишь по ночам? в корзинке с другими протухшими фигами? Впрочем, оно и понятно, – подобное идет к подобному, как и повелели бессмертные боги; фиги – к фигам, деньги – к деньгам, а дураки, торгующие фигами, – к дуракам! Впрочем, быть может, ты носишь фигу в кармане, и только прикидываешься несведущим простачком? Если так, то это было бы просто великолепно; три фиги в одной упряжке, влекомой одним несносным ослом! С чем я вас,

господин хороший, и поздравляю! (*Отвешивает т о р г о в ц у низкий поклон.*)

Т о р г о в е ц ф и г а м и *стоит, широко открыв рот, и не знает, что ответить.*

Х е р е й (*вполголоса*). Господин, не дразните его, он может обидеться!

Э з о п (*отмахиваясь от Х е р е я*) . Пустое, Херей, пустое, он даже не понял, о чем я ему говорил! Такие болваны обижаются только в одном случае – если их обсчитывают на рынке. Впрочем, он сам кого хочешь обсчитает в два счета. Купи у него пару фиг, и он забудет все, о чем здесь говорилось. (*Р а з н о с ч и к у в о д ы.*) А ты, приятель, почему продаешь свою хрустальную воду?

Р а з н о с ч и к в о д ы. По два обола, мой господин. Вода свежайшая, утолит жажду и вам, и вашему спутнику. Попробуйте глоточек, если хотите; всего один глоточек, и выпьете до дна весь кувшин, не оставив ни капли.

Э з о п (*принюхиваясь к кувшину*) . Ба! да от твоей хрустальной воды разит не лучше, чем от лошадиной мочи! Ты что, решил меня отравить, подсовывая это неудобоваримое пойло? Все вы, дельфийцы, как я погляжу, на одно лицо, никому из вас нельзя доверять: того и гляди, оставите без гроша доброго путешественника! вы и родную мать не постесняетесь обсчитать, как последнюю шлюху. Да и чего от вас

ждать, если вместо лиц у вас печеные фиги, а вода воняет лошадиной мочей?! Нет, видимо, не остается мне иного выхода, как рассказать всей честной и благородной Элладе о ваших гнусных и отвратительных нравах!

Х е р е й (*на ухо Э з о п у, вполголоса*). Побойтесь богов, господин, вы восстановите против нас весь город! Вы опять кидаетесь на все, что шевелится, вы опять трахаете всех без разбора!

Э з о п (*также вполголоса*). Пустое, Херей, пустое, это всего лишь торговцы на рынке, они привыкли к подобному обращению.

Т о р г о в е ц ф и г а м и (*неожиданно начинает вопить*). Немыслимо, непостижимо! требую справедливости! Этот человек оскорбил не только меня, но и всех других торговцев на рынке! Никто не может назвать мои фиги гнилыми, да еще в придачу мое лицо, полученное в наследство от почтенных родителей!

Р а з н о с ч и к в о д ы. Эти иностранцы совсем обнаглели! Еще мой дед и отец торговали на рынке хрустальной водой! Мы добываем ее с большими издержками из горного озера, которое находится рядом со святилищем Аполлона! Никто не смеет называть эту воду мочей, никто не смеет оскорблять светоносного бога!

Х е р е й (*с опаской, оглядываясь по сторонам*). Нам лучше побыстрее уйти отсюда, мой господин. Мне кажется, вы слишком сильно раздражили гусей.

Э з о п. Пустое, Херей, пустое, – дразнить гусей – это моя специальность. Именно этим я и занимаюсь последние тридцать лет. Если бы я, мой друг, не дразнил жирных гусей, скоро бы в Элладе жить было нельзя из-за их мерзкого жирного гогота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.